

Л. Н. Кутаков

БОРЬБА СССР ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДОБРОСОСЕДСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ЯПОНИЕЙ (1925—1939)

Миролюбивая политика Советского Союза в отношении Японии не является политикой лишь текущего времени. Она выражает общий внешнеполитический курс Советского государства, неизменно стремящегося к дружбе и сотрудничеству со всеми странами, независимо от политического строя и господствующей в них идеологии.

После Великой Октябрьской социалистической революции сосуществование и борьба двух различных общественных систем стали объективной действительностью. В. И. Ленин доказал реальную возможность мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Ленинский принцип мирного сосуществования лежит в основе политики Советского государства в отношении Японии с первых дней Октября. Однако японские правящие круги не приняли предложений Советского правительства об установлении нормальных, добрососедских отношений и встали на путь вооруженной интервенции против молодой Страны Советов, надеясь отторгнуть от нее Сибирь и Приморье. Япония пыталась поставить в кабальную от нее зависимость созданную в те годы Дальневосточную республику (1921—1922). Но героическая борьба ДРВ, поддержанная Советской Россией, опрокинула расчеты японских милитаристов и их белогвардейских ставленников. В октябре 1922 г. японские оккупанты были выброшены с территории советского Дальнего Востока. И хотя под контролем японской военщины еще оставался Северный Сахалин, было ясно, что японская авантюра не удалась.

Восстановление Советским Союзом своих законных прав на Дальнем Востоке, укрепление его внутреннего положения и международных позиций, дальнейшее обострение империалистических противоречий на Тихом океане со всей остротой ставили перед японскими правящими кругами вопрос об экономических и политических отношениях с Советским государством. Дальновидным политическим деятелям Японии становилось ясно, что Советское государство, которое к тому времени уже установило отношения с рядом крупных капиталистических стран, является

силой, с которой необходимо считаться. Провал японской интервенции показал, что военный метод разрешения проблем русско-японских отношений является несостоятельным. Деловые круги, имевшие в прошлом связи с Россией, настаивали на развитии экономических отношений с СССР, понимая их огромную пользу для Японии. Трудящиеся Японии, как и других стран, активно выступали в защиту первого в мире пролетарского государства, требовали установления с ним политических и экономических отношений.

Провал интервенции, обострение классовых противоречий в стране, рост демократического и революционного движения отражали внутреннее ослабление японского империализма. Это не могло не сказаться и на внешнеполитических позициях Японии. Решения Вашингтонской конференции 1922 г., ликвидировавшие исключительные привилегии Японии в Китае и установившие нормы для японского военного флота, меньшие, чем для ее соперников, прекращение действия англо-японского союза являлись тяжелым ударом для японского империализма.

Используя ослабление Японии и ее внешнеполитическую изоляцию, американский империализм перешел в решительное наступление на позиции своего конкурента, вытесняя Японию с рынков Китая, стран Южных морей и в полосу отчуждения КВЖД. Японо-американские отношения все более обострялись. Пресса обеих стран была полна заявлений о неизбежности военного столкновения. Каждый момент можно было ожидать взрыва¹.

В этих условиях японские деловые круги устремляют свои взоры к Советской стране, в которой они видели широкий рынок для сбыта товаров и получения сырья, а также известный противовес политике США. Общественное мнение Японии оказывало всевозрастающий нажим на правительство, требуя урегулирования отношений с СССР. В Японии возник ряд общественных содействий сближению с Советской Россией. Активно выступали за развитие отношений с СССР Японская генеральная федерация труда, Японская ассоциация земельных арендаторов и т. п.². За развитие отношений с СССР горячо ратовал и видный политический деятель мэра Токио виконт Гото³.

По его инициативе в феврале 1923 г. в Токио начались неофициальные советско-японские переговоры. Вопрос об отношении к СССР сделался предметом острой политической борьбы в японских правящих кругах. Япония пыталась навязать советскому правительству ряд неприемлемых условий, и переговоры не дали результатов.

Дальнейшее обострение обстановки на Тихом океане весной 1924 г., угроза совместных антияпонских выступлений США и Англии заставили правительство Японии искать опору на международной арене. Соглашение с СССР было тем фактором, который мог бы усилить Японию перед лицом американ-

ского и английского империализма. Определенное влияние на японские правящие круги оказывала активная внешняя политика Советского правительства; СССР принимал энергичные меры для отстаивания своего суверенитета: был усилен контроль за рыболовством в территориальных водах Приморья, приняты меры борьбы с контрабандой и спекуляцией.

В этих условиях министр иностранных дел Японии Сидэхара провозгласил «новую политику» в отношении СССР. Установлением отношений с СССР правительство Японии надеялось также смягчить внутривосточную обстановку (весной 1924 г. в стране начался новый подъем демократического движения), удовлетворить требования широких слоев трудящихся, а также определенных группировок мелкой и средней буржуазии о нормализации отношений с СССР. В мае 1924 г. в Пекине начались официальные советско-японские переговоры, которые завершились подписанием 20 января 1925 г. Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией⁴.

СССР и Япония провозгласили желание жить в мире и дружбе и обязались в своих взаимоотношениях исходить из принципа невмешательства во внутренние дела и воздерживаться от всякой открытой или скрытой враждебной деятельности друг против друга. Конвенция предусматривала необходимость заключения договора о торговле и мореплавании. Правительство СССР заявило о готовности предоставить японским подданным концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств. СССР таким путем привлекал японские капиталы для разработки нефтяных, угольных и лесных ресурсов, что должно было ускорить восстановление хозяйства Дальнего Востока, разрушенного интервентами и белогвардейцами. Специально было оговорено, что рыболовная конвенция 1907 г., дававшая ряд преимуществ Японии, должна быть пересмотрена и принята во внимание перемены, которые произошли в общей обстановке. Протоколом «А», приложенным к Конвенции, устанавливалось, что все вопросы о долгах правительству или подданным Японии в связи с займами царскому и Временному правительствам оставлены для разрешения на последующих переговорах. Японское правительство обязалось полностью вывести войска с Северного Сахалина к 15 мая 1925 г., начав вывод значительно ранее, с тем чтобы в освобожденных районах немедленно восстанавливалась Советская власть⁵. Советская дипломатия, таким образом, использовала заинтересованность японских промышленников в получении нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине в качестве рычага для быстрого освобождения советской территории.

Заключение советско-японской конвенции завершило важный этап борьбы СССР за нормализацию отношений с главными капиталистическими странами. Советское правительство показало, что оно стремится к тому, чтобы отношения с Японией

строились на принципах мирного сосуществования и исключали какие-либо агрессивные действия со стороны японского империализма. В то же время были созданы необходимые условия для укрепления позиций Советского Союза как великой тихоокеанской державы и для мирного строительства на советском Дальнем Востоке.

Советско-японское соглашение вызвало большое недовольство правящих кругов США и Англии, опасавшихся возможности советско-японского сближения. «Дейли Телеграф» писала: «Комбинация японской предприимчивости, японской промышленности и науки, с одной стороны, и естественных богатств Сибири — с другой, создает поразительный эффект, а если к ним присоединить еще политическое соглашение... то равновесие сил и влияния в Китае и на всем Дальнем Востоке вообще коренным образом изменится»⁶.

Вскоре после установления дипломатических отношений с Японией Советское правительство выдвинуло идею совместного выступления СССР, Японии и Китая в защиту мира на Дальнем Востоке.

По инициативе советских представителей в Токио открылись неофициальные переговоры с Японией о заключении соответствующего тройственного соглашения. Однако агрессивно настроенные элементы, а также круги, ориентировавшиеся на Англию в США, повели в печати очередную антисоветскую кампанию. Появились статьи, в которых клеветнически утверждалось, что СССР якобы ведет на Дальнем Востоке «империалистическую политику», «вмешивается» во внутренние дела Китая и т. д.

В целях разоблачения этих вымыслов в августе 1926 г. было опубликовано специальное опровержение ТАСС. Поверенный в делах СССР в Японии 26 августа 1926 г. на приеме корреспондентов японских газет выступил с заявлением о целях внешней политики СССР. Указав на стремление Советского правительства развивать дружественные отношения со всеми странами, независимо от их социальной системы, он сказал: «Правительство СССР занято сейчас внутренним строительством, оно не только декларативно заявило о своем миролюбии, но и конкретно выдвинуло перед рядом государств вопрос о заключении специальных договоров о ненападении, нейтралитете, о согласительном разбирательстве конфликтов, и с некоторыми государствами подписало такие договоры»⁷. Это заявление в дипломатических кругах Токио рассматривалось как обращение Советского правительства к Японии с предложением о заключении соответствующего соглашения. Заместитель министра иностранных дел Дэбути спросил советского поверенного в делах, какие конкретно пакты он имел в виду в своем заявлении. В ответ был назван советско-германский договор о нейтралитете от 24 апреля 1926 г. По просьбе Дэбути ему был послан текст этого договора.

Дэбути, изучив текст советско-германского договора, заявил

советскому представителю 30 сентября: «Ввиду того, что обе стороны, подписавшие Пекинское соглашение (т. е. Конвенцию 1925 г.—Л. К.), не исчерпали обязательств по соглашению, подписание нового договора, аналогичного советско-германскому, может быть принято общественным мнением Японии как желание СССР заменить невыполненное Пекинское соглашение новым соглашением, в котором будут отсутствовать указанные в Пекинском соглашении обязательства». В ответ на просьбу собеседника уточнить, какие обязательства он имеет в виду, Дэбути ответил, что он имел в виду экономические проблемы: рыболовство, угольные и нефтяные концессии на Сахалине и заключение торгового договора. Когда эти стороны Пекинского соглашения «будут проработаны до конца, вопрос о договоре советско-германского типа может сделаться актуальным». Заявив о том, что Япония не имеет принципиальных возражений против такого договора, Дэбути просил учесть, что необходимость отложить вопрос о договоре о ненападении вызвана тем, что «полное исчерпывание Пекинского соглашения создаст обстановку полного экономического и политического понимания»⁸.

Предложение Советского правительства о заключении пакта о ненападении явилось выражением его стремления к дальнейшему развитию советско-японских отношений, к реализации возможностей, заложенных в Пекинской конвенции.

Стремясь усилить свои позиции в борьбе против империалистических конкурентов, японские деятели сделали ряд заявлений, в которых высказывали желание улучшить и упрочить советско-японские отношения. Выступая 18 января 1927 г. в парламенте, министр иностранных дел Сидэхара заявил, что советская политика на Дальнем Востоке носит миролюбивый характер. Сидэхара говорил о желании Японии проводить политику «открытых дверей» и равных возможностей в Северо-Восточном Китае, подчеркнув, что правительство готово отказаться от позиции, ведущей к трениям между СССР и Японией⁹.

Советское правительство с одобрением отмечало выступление Сидэхара, противопоставляя позицию Японии агрессивной линии английских империалистов¹⁰.

Но слова Сидэхара не соответствовали делам. Японское правительство стремилось получить уступки от Советского правительства в области экономических отношений за обещание заключить договор о ненападении. Оно пыталось связать вопросы политические с экономическими, в частности добивалось расширения японских привилегий в рыболовстве. Японские правящие круги стремились навязать Советскому государству неравноправный торговый договор, дававший японским подданным ряд льгот в ущерб СССР. Все это прикрывалось рассуждениями о необходимости выполнить экономические статьи Пекинской конвенции, основанные на положениях Портсмутского договора. В действительности ни текст Пекинской конвенции, ни прило-

женные к ней протоколы не содержали каких-либо обязательств советской стороны о предоставлении Японии других привилегий, кроме тех, о которых шла речь в Портсмутском договоре 1905 г.¹¹

Английская дипломатия развернула активную деятельность с целью помешать заключению советско-японского договора о ненападении. Английский посол в Японии Тилло повел широкую пропаганду против такого договора, используя традиционные англофильские тенденции в японских правящих кругах и анти-советские настроения среди высшей бюрократии.

Одним из аргументов противников советско-японского пакта являлось утверждение о том, что переговоры по рыболовному вопросу еще не завершены. Но ссылки японского правительства на это как на препятствие к заключению политического соглашения были неосновательны¹².

Заключение конвенции о рыболовстве задерживалось по вине японского правительства, которое стремилось к ничем не ограниченной эксплуатации рыболовных районов, домогаясь допуска японских рыбаков в бухты и реки Дальнего Востока, являвшиеся внутренними водами СССР, бесконтрольного лова в советских территориальных водах и т. д.

Советские представители на конференции по выработке конвенции, которая начала работу в конце 1925 г., выдвинули предложения, отражавшие заботу Советского государства об эксплуатации рыболовных богатств на рациональных началах, ограждающих запасы рыбы от истощения. Своекорыстная политика японского правительства привела к затылке переговоров до 1928 г.¹³

В апреле 1927 г. известный милитарист генерал Гити Танака сформировал новый кабинет. За несколько дней до создания правительства он сменил на посту лидера партии «Сэйюкай» Такахаси, сторонника умеренного курса во внешней политике. Приход к власти Танака означал, что в правящих кругах Японии взяли верх наиболее реакционные агрессивные элементы, решившие искать выход из внутренних трудностей на пути внешних авантур.

Правительство Танака провозгласило «новый курс», так называемую «позитивную политику», которая предполагала пересмотр решений Вашингтонской конференции и более активное вмешательство в гражданскую войну в Китае¹⁴. Одним из первых практических шагов этого правительства явилась посылка в мае 1927 г. войск в Шаньдун для противодействия продвижения гоминьдановской армии к Пекину, где хозяйничали северные милитаристы, тесно связанные с Японией. Это вызвало острое недовольство США и Англии, опасавшихся, что Япония прочно закрепится в Китае.

В конце июня в Токио была созвана «восточная конференция», на которой присутствовали японские специалисты по де-

лам Китая. В опубликованных решениях конференции указывалось, что Япония имеет в Северо-Восточном Китае и Монголии «особые интересы» и для их защиты готова принять «решительные меры». Основываясь на решениях «восточной конференции», Танака разработал и вручил императору 25 июля 1927 г. пространственный меморандум, в котором излагалась агрессивная внешнеполитическая программа японских милитаристов.

Учитывая обострение отношений с Соединенными Штатами и Англией, Танака заявлял, что в отношении к СССР его правительство будет продолжать линию предшествующего кабинета. В действительности сохранение мирных связей с СССР Танака рассматривал как временное явление. В меморандуме говорилось о необходимости подготовки войны против СССР: «В программу нашего национального роста входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот скрытый риф не будет взорван, наше судно не сможет пойти быстро вперед»¹⁵.

Ближайшие действия японских милитаристов показали, что эта программа не оставалась на бумаге. Мукденские милитаристы, подстрекаемые японцами, с весны 1927 г. начинают прибегать к систематическим насилиям и провокациям на КВЖД, ведя дело к обострению отношений с СССР и захвату дороги. Вопреки условиям советско-японской Конвенции 1925 г. Япония оказывала покровительство всевозможным белогвардейским организациям, поощряя их провокационные действия в отношении советских граждан и советских учреждений в Северо-Восточном Китае и на КВЖД.

Тем временем Советское правительство предпринимало дальнейшие шаги в направлении развития политических и экономических отношений с Японией, что отвечало насущным интересам японского народа. Во исполнение концессионного договора, заключенного в декабре 1925 г., 21 февраля 1927 г. было подписано дополнительное соглашение об отводе японским фирмам участка на Северном Сахалине под нефтяную разведку. Весной и летом 1927 г. было заключено два новых концессионных договора с японским лесопромышленным синдикатом на эксплуатацию лесных участков в районе Приморья и с японской компанией «Сиюва гинко кабусики кайся» на эксплуатацию золотоносного участка в Охотском районе¹⁶.

Начали развиваться и культурные связи. Большое впечатление на японскую общественность произвела выставка советских художников в Токио и Осака.

В августе 1927 г. советские летчики совершили перелет из Москвы в Токио в ответ на аналогичный перелет японских летчиков из Токио в Москву в 1925 г. Советские летчики встретили самый радушный прием со стороны общественности и властей¹⁷.

Советское правительство намеревалось использовать развитие экономических и культурных связей с Японией, рост популярности Советского Союза среди японского народа, возрастающую заинтересованность японских деловых кругов в получении концессий и заключении широкой рыболовной конвенции для стабилизации обстановки на Дальнем Востоке.

В беседе с Танака в мае 1927 г. советский полпред В. С. Довгалецкий заявил, что Советское правительство выполняет экономические пункты Пекинской конвенции. Заключение рыболовного соглашения задерживается не по вине Советского правительства. Оно готово вести переговоры с Японией о торговом договоре и благожелательно отнестись к предоставлению японцам новых концессий на советском Дальнем Востоке. Он указал также, что СССР на КВЖД преследует только коммерческие интересы и не вмешивается во внутренние дела Китая. В. С. Довгалецкий вновь подчеркнул желание Советского правительства заключить пакт о ненападении¹⁸.

16 июня 1927 г. Танака выразил удовлетворение японского правительства в связи с разрешением вопроса о нефтяной, угольной и лесной концессиях. Он высказал надежду, что Советское правительство будет и впредь благоприятно относиться к концессионным заявкам. Однако он сказал, что ввиду напряженности международного положения заключение политического пакта несвоевременно. Он обещал вернуться к этому вопросу по упрочению экономических связей между СССР и Японией¹⁹.

По поручению Советского правительства 1 июля В. С. Довгалецкий заявил о согласии СССР приступить к переговорам об оформлении торгового договора. Советское правительство выразило сожаление по поводу заявления Танака о том, что заключение политического пакта несвоевременно. По мнению Советского правительства, подписание такого пакта способствовало бы ослаблению напряженности международного положения. Советское правительство указывало, что оно принимает к сведению обещание правительства Японии вернуться к обсуждению этого вопроса через некоторое время²⁰.

Уже предшествующие правительства настаивали на получении экономических выгод за обещание заключить пакт о ненападении. Тем более кабинет Танака, используя неблагоприятное для СССР международное положение, попытался заставить Советский Союз заплатить дорогой ценой за сохранение мирных отношений. В это время в результате провокационных действий английских империалистов дипломатические отношения между Англией и СССР были разорваны. Напряженная обстановка сложилась в Китае, где пекинское правительство по наущению английских агентов организовало нападение на советское посольство и консульства.

Заместитель министра иностранных дел Дэбути откладывал переговоры о пакте до заключения рыболовной конвенции и

торгового договора, требуя экономических уступок со стороны Советского правительства за обещание обсудить вопрос о пакте. Но, несмотря на свою агрессивность, японское правительство не хотело брать ответственность за прямой отказ от советского предложения.

В стране происходили острые столкновения среди правящих группировок в борьбе за власть, а в парламентских выборах 1928 г. приняли участие наряду с буржуазными партиями и группировками организации, отражавшие интересы различных слоев трудящихся.

Демократическое движение оказывало определенное влияние на политику правящих кругов. Советское правительство учитывало это в борьбе за сохранение мирных отношений с Японией.

Советское правительство стремилось разбить создаваемый Англией антисоветский фронт. В этих целях был использован проезд уже упоминавшегося известного политического деятеля Гото в Москву в декабре 1927 г. После подписания Пекинской конвенции Гото активно выступал за развитие советско-японских отношений и сближение двух стран. Он считал, что единый фронт СССР и Японии даст возможность ослабить нажим на Японию со стороны США, поддерживаемых Англией. Гото высказывался за создание тройственного блока с участием Китая. По мнению Гото, это привело бы к новому соотношению сил в бассейне Тихого океана и перераспределению богатств этого района²¹. Свои идеи Гото намеревался обсудить в Москве с руководителями Советского правительства, одновременно ознакомившись с внутренним положением в СССР.

Правительство Танака, зная популярность Гото в Японии, а также его взгляды на советско-японские отношения, хотело направить Гото в СССР в качестве чрезвычайного посла, чтобы связать этим ему руки, а возможные политические результаты его миссии записать в актив правительства. Однако Гото не пошел на это, предпочитая выступать в роли частного лица. Результаты своей поездки он рассчитывал использовать в личных целях.

Перед отъездом в СССР Гото был принят императором. Из его многочисленных бесед с работниками советского полпредства было ясно, что Гото имел важные поручения руководящих кругов. В беседе с поверенным в делах СССР в Японии Гото перечислил те вопросы, которые он намеревался затронуть при встречах с советскими руководителями. Среди них фигурировали проблема КВЖД, вопрос о «совместной борьбе Японии и СССР против проникновения в Маньчжурию американцев и англичан», пакт о ненападении, общие основы торгового договора и проблемы рыболовной конвенции.

В Москве Гото был принят руководителями Коммунистической партии и Советского правительства, а также в НКВД.

В беседах с Г. В. Чичериным, его заместителями Л. М. Караханом и М. М. Литвиновым Гото пропагандировал свои предложения, рассматривая их принятие в качестве базы для сближения двух стран²². В беседе с Л. М. Караханом 29 декабря 1927 г. он выдвинул план создания японской концессии для разведения риса в районе оз. Ханка. Под концессию предлагалось выделить 1 млн. десятин земли. Японское правительство, со своей стороны, было готово вложить в концессию 300 млн. иен. «Это послужит звеном для укрепления дружбы с вами,— говорил Гото.— Русские и японцы будут совместно работать»²³.

Советское правительство, рассмотрев эти предложения, не сочло возможным принять их.

Гото затрагивал вопрос и о Северо-Восточном Китае. Однако ему было дано понять, что Советское правительство не может обсуждать его без участия Китая.

Гото проявил большой интерес к переговорам о рыболовной конвенции, настаивая на быстрейшем завершении переговоров. По мнению Гото, заключение рыболовной конвенции должно предшествовать началу переговоров о торговом договоре. Активная деятельность Гото способствовала сближению точек зрения Советского и японского правительств. 23 января 1928 г. рыболовная конвенция была подписана²⁴. Л. М. Карахан в телеграмме на имя Гото после отъезда последнего из Москвы отметил его положительный вклад в решение этой проблемы.

Пребывание Гото в Москве было использовано советской дипломатией для выяснения позиции Японии в отношении предложения СССР о заключении пакта о ненападении. В беседе с Л. М. Караханом Гото заявил: «Япония не хочет заключать сейчас пакт и уклоняется, но уклоняется потому, что не хочет сильно портить своих отношений с Англией и Америкой». Но он думает, «что со временем создастся положение, когда заключить пакт удастся»²⁵. Еще более откровенно эту мысль выразил в беседе с Г. В. Чичериным Мори, секретарь Гото. «Пусть наши отношения будут вполне сердечными и вполне искренними,— сказал Мори.— Это возможно и без заключения пакта, которое будет признано вызовом в отношении к Англии и Америке»²⁶. Японские правящие круги боялись предпринять такие шаги, которые могли бы поссорить их с Англией и США.

Другой не менее важной причиной отказа японской стороны подписать пакт с СССР было стремление, используя неопределенность в советско-японских отношениях, добиться от СССР уступок в экономической области.

Провал попытки английских консерваторов развязать войну против СССР в 1927 г. не остановил новые маневры империалистов, направленные на осложнение международной обстановки. Основная задача советской дипломатии заключалась в том, чтобы сорвать происки империалистов, помешать созданию антисоветского блока. Советское правительство активно выступа-

до за заключение политического соглашения с Японией, с тем чтобы не допустить ее участия в империалистическом заговоре.

Советский полпред А. А. Трояновский 8 марта 1928 г. вновь поставил перед Танака вопрос о заключении пакта о ненападении. «Сейчас речь идет о пактах между Америкой и Францией, Америкой и Японией,— заявил он.— Может быть, следовало бы говорить о пакте между Японией и СССР». В ответ на это Танака сказал: «Для этого не пришло еще время. События должны развиваться постепенно. У нас еще имеются разные тенденции и разные настроения. Надо идти от одного этапа к другому. Я считаю, что сейчас на очереди стоит вопрос о торговом договоре. Если мы его заключим, это уже будет большое дело. А там видно будет».

А. А. Трояновский ответил: «Если Япония будет иметь пакты с целым рядом других государств и не будет иметь его с СССР, не будет соблюдено необходимого равновесия... Международная обстановка такова,— подчеркнул далее советский полпред,— что, пожалуй, о пакте можно уже говорить». Однако ответ Танака был прежним: «Не будем торопиться»²⁷.

Тем временем Япония не смогла помешать установлению контроля нанкинского правительства над Северо-Восточным Китаем. В августе 1928 г. ей пришлось начать вывод своих войск из провинции Шаньдун²⁸. Авантюристическая внутренняя и внешняя политика кабинета Танака вызвала тревогу и в правящих кругах Японии. В июле 1929 г. кабинет пал. «Позитивная» политика Танака потерпела крах.

Руководящие круги Японии решили вернуться к «негативной» политике маневрирования. К власти пришло правительство Хамагути (июль 1929 — апрель 1931 г.), лидера партии «Минсэйто». Министром иностранных дел был вновь назначен Сидэхара. За ним осталось руководство внешней политикой и в следующем кабинете Вакацуки (апрель — декабрь 1931 г.).

Напряженность международной обстановки, созданная мировым экономическим кризисом, не могла не сказаться и на советско-японских отношениях. Японская военщина и наиболее агрессивные группировки среди правящих кругов делали ставку на подготовку войны против СССР.

К разработке планов военного нападения на СССР японская военщина приступила с 1928 г. Эти планы существенным образом отличались от тех обычных оперативных планов, составление которых является функцией генерального штаба. Планы войны против СССР (планы «Оцу» и «Хэй») никогда не носили условного, теоретического характера, они всегда отличались конкретностью и тщательностью разработки. Разработка этих планов велась систематически. «Если Япония намерена существовать в качестве великой Японии,— писал японский военный атташе в СССР Касахара в 1931 г.,— ей нельзя будет избежать — рано или поздно — столкновения с СССР»²⁹.

Японские милитаристы усиленно пропагандировали идеи, которые вынашивались еще в период русско-японской войны. Тот же Касахара писал в генеральный штаб 24 марта 1931 г.: «Нам нужно будет осуществить продвижение по меньшей мере до Байкала. В том случае, если мы остановимся на байкальской линии, Япония должна будет рассматривать оккупированный Дальневосточный край как часть владений империи. На этой территории наши войска должны располагаться в порядке военных поселений, т. е. на долгие времена»³⁰.

В захватнических планах предусматривалось создание военного плацдарма в Северо-Восточном Китае с включением в него МНР и китайской провинции Синьцзян, чтобы поставить под угрозу не только дальневосточные районы, но и среднеазиатские республики СССР.

Японские правящие круги считали, что их антисоветская политика встретит полное понимание и поддержку со стороны западных держав. Председатель Японской торговой палаты Фудзита откровенно высказал эти надежды даже советскому полпреду в Японии А. А. Трояновскому: «Англичане препятствовать не будут»³¹.

Решительные меры, предпринятые Советским правительством в отношении китайских милитаристов на КВЖД в 1929 г., убедительно показали всем, что Советский Союз готов твердо отстаивать дело мира на Дальнем Востоке. Они своевременно напомнили капиталистическим странам о том, что Советское государство твердо стоит на страже своих интересов и является активным фактором в решении международных вопросов.

Парламентские выборы в Японии весной 1930 г. привели к победе более умеренных кругов, группировавшихся вокруг партии «Минсэйто».

Однако агрессивные элементы в Японии организовывали все новые и новые враждебные антисоветские кампании в прессе. Антисоветски настроенная влиятельная группировка в правящих кругах использовала любой повод для обострения отношений с Советским Союзом (в ее состав входили граф Ито, маршал Сугияма, бывший министр земледелия Ямамото, бывший министр путей сообщения Огава и др.). Только фактическая изоляция Японии (обострение отношений с США, охлаждение отношений с Англией, трудности в Китае) несколько сдерживала эти круги от открытых выступлений против СССР.

В связи с сильным сокращением объема внешней торговли Японии с капиталистическими странами в результате мирового кризиса естественно было бы ожидать значительного развития японо-советской торговли. Но японские власти чинили всевозможные препятствия советскому экспорту и тормозили выделение кредитов для импорта. В 1931 г. были повышены пошлины на советский лес, усложнены формальные условия допуска советских товаров на японский рынок. В результате торговый обо-

рот, начавший было расти в 1926—1929 гг. ежегодно на 25—60%, в 1930—1931 гг. оставался без существенных изменений. Оборот японо-советской торговли в 1931 г. равнялся 32,5 млн. руб., что составляло менее 1% всего внешнеторгового оборота Японии³².

Летом 1930 г. японские рыбопромышленники усилили хищнический лов в советских водах, провоцируя многочисленные конфликты в районах лова, а также на концессиях. Увеличилось число случаев хищничества и диверсионных актов на Северном Сахалине.

Особо острой обстановка стала весной 1931 г. В конце 1930 г. была проведена ревизия деятельности Владивостокского отделения японского «Тиосэн банка» за период с 1 января 1927 по 9 августа 1930 г. Ревизия показала, что это отделение банка вместо содействия развитию и укреплению деловых экономических связей между СССР и Японией и нормальных операций по финансированию транзита и торговли на территории Дальневосточного края сделало предметом своей деятельности исключительно валютные операции, которые совершало с грубым нарушением законов СССР.

Наркомфин СССР в конце 1930 г. закрыл отделение «Тиосэн банка» во Владивостоке, потребовав возмещения нанесенного ущерба. В связи с нуждами народного хозяйства Советское правительство поставило вопрос о сокращении концессий в связи с увеличением количества рыболовных участков для государственных организаций.

Рухнули планы японцев на экономическое освоение советского Сахалина с целью его постепенного перехода под полный контроль Японии. В 1931 г. советская нефтяная промышленность на Северном Сахалине по добыче нефти достигла уровня японских компаний.

Японские монополии, и особенно рыболовные промышленники, подняли яростную антисоветскую кампанию. Шовинистические организации провели митинги и антисоветские демонстрации, по всей стране расклеивались плакаты и разбрасывались листовки, газеты были полны антисоветских статей. Извращая условия Портсмутского договора, реакционная пресса требовала от Советского правительства «уступок». Японское правительство отказывалось принять какие-либо меры к прекращению этой кампании. 4 марта 1931 г. японский посол Хирота посетил Л. М. Карахана и передал ему заявление японского правительства, в котором содержалось предупреждение, что «рыбопромышленники становятся отчаянными», даже правительству будет «трудно оказать какое-либо влияние на них и нет гарантии в том, что не будет нежелательного влияния на дружественные отношения между двумя государствами»³³.

Результатом этой разнузданной антисоветской кампании явилось покушение на советского торгпреда Аникеева. Японец На-

букацу Сато 16 марта 1931 г. произвел несколько выстрелов в Аникеева и нанес ему тяжелые ранения. 17 марта Л. М. Карахан заявил японскому послу Хирота решительный протест против бездействия японских властей, допустивших покушение на советского представителя. «Выстрелы в Аникеева,— заявил Карахан,— были подготовлены той безобразной кампанией, которая велась рыбопромышленниками во главе с „Нитиро“³⁴ против рыболовной конвенции и СССР, кампанией, которая не ограничивалась прессой. Она раздувалась с трибун нижней и верхней палат Японии»³⁵. Вслед за тем был совершен налет на советское полпредство в Токио. «Отношения между СССР и Японией достигли крайней степени напряжения в связи с рыболовными делами»³⁶,— писал А. А. Трояновский в НКИД 10 апреля 1931 г.

Правительство партии «Минсэйто», с одной стороны, стремилось использовать антисоветскую кампанию рыбопромышленников и связанных с ними групп для оказания давления на СССР, а с другой — маневрировало, опасаясь, что соперничающая партия «Сэйюкай» превратит эту кампанию в кампанию против правительства. Имело значение также и то обстоятельство, что в рыболовных делах большие интересы имела фирма «Мицубиси», поддерживавшая «Минсэйто».

В сентябре 1931 г. Япония напала на Китай с целью захвата Северо-Восточных провинций Китая. В борьбе, которая велась в японских правящих кругах в отношении направления развертывания внешней экспансии, в конечном счете победила группировка, которая считала первоочередной задачей захват Северо-Восточного Китая с последующим подчинением всего Китая. Эта группировка не считала Японию готовой к войне против СССР.

Советский народ осудил японское нападение на Китай, 25 сентября газета «Правда» в передовой статье писала: «Трудящиеся СССР следят за борьбой в Китае с величайшим вниманием. Их сочувствие на стороне китайского народа».

Захват Японией Северо-Восточных провинций Китая и введение туда крупных контингентов вооруженных сил Советское правительство рассматривало как грубое нарушение Портсмутского договора, запрещавшего Японии содержать в этих провинциях Китая свои войска, за исключением железнодорожной стражи в количестве не свыше 15 человек на километр. НКИД СССР неоднократно обращал внимание японского правительства на это нарушение и требовал соблюдения условий договора.

Советское правительство решительно осуждало агрессивные действия Японии, одновременно проводя серию гибких дипломатических мер, чтобы не допустить создания единого антисоветского фронта капиталистических держав и новой интервенции против СССР.

19 сентября 1931 г. Л. М. Карахан пригласил японского пос-

ла Хирота и заявил, что Советское правительство придает событиям в Северо-Восточном Китае самое серьезное значение. Он подчеркнул, что Советское правительство особенно встревожено тем, что они происходят в непосредственной близости от КВЖД и должны будут отразиться на работе дороги. Спустя несколько дней аналогичное заявление японскому послу сделал нарком по иностранным делам М. М. Литвинов³⁷. Японское правительство дало заверения в том, что правам и интересам СССР не будет нанесено никакого ущерба. Такие заверения были сделаны японским правительством дважды в 1931 г.— 19 и 20 ноября (в Москве и Токио) и трижды в 1932 г.— 27 февраля, 5 марта и 1 декабря.

Однако эти миролюбивые заверения не соответствовали действительному поведению японских властей. Оккупация Северо-Восточного Китая сопровождалась резкой активизацией антисоветской деятельности белогвардейских организаций и отрядов, руководимых бывшим атаманом Семеновым и шпионом-диверсантом Родзаевским.

В декабре 1931 г. правительство Вакацуки ушло в отставку. Военно-фашистские элементы считали, что Вакацуки и Сидэхара не в состоянии обеспечить «динамичную» внешнюю политику в условиях начавшейся войны в Китае. К власти было призвано правительство партии «Сэйюкай» во главе с ее лидером Инукай. Военным министром был назначен руководитель военно-фашистского движения генерал Араки, связанный с «новыми концернами», настаивавшими на активизации экспансии в Китае. В правительство вошел также в качестве министра финансов представитель более умеренных кругов Такахаси.

Японская агрессия в Китае значительно увеличила угрозу советским дальневосточным границам. Еще до нападения на Китай шовинистические организации в Японии подняли широкую антисоветскую кампанию. Японские газеты публиковали множество статей, в которых заявлялось о неизбежности войны с СССР, клеветнически утверждалось об «угрозе» Японии со стороны Советского Союза.

Выход японских войск к советским границам империалистические державы намеревались использовать для всевозможных провокаций³⁸. Печать западных держав откровенно писала о неизбежности столкновения японской армии и советских вооруженных сил.

В условиях возраставшей международной напряженности Советский Союз осуществлял энергичные маневры в целях предотвращения образования единого антисоветского блока. Важной формой борьбы за мир были предложения Советского правительства о заключении пактов о ненападении. В 1931 г. СССР предложил заключить такие пакты Польше, Латвии, Финляндии, Эстонии и Румынии. Было решено вновь повторить такое же предложение Японии.

В конце декабря 1931 г. министром иностранных дел Японии был назначен японский посол во Франции Иосидзава, известный как сторонник развития добрососедских отношений с Советским Союзом. Советская дипломатия решила использовать проезд Иосидзава через Москву, чтобы поставить перед ним вопрос об укреплении советско-японских отношений.

31 декабря 1931 г. в беседе с Иосидзава М. М. Литвинов заявил, что основой политики СССР является сохранение мирных и дружеских отношений со всеми соседями, в том числе и с Японией. М. М. Литвинов подчеркнул, что СССР заключил пакты о ненападении и нейтралитете с Германией, Турцией, Персией, Афганистаном, парафировал пакт с Францией. Ведутся переговоры с Финляндией, Латвией, Эстонией и Румынией. СССР будет связан пактами со всеми соседями. Япония является единственным его соседом, который не заключил с ним пакта о ненападении и не ведет переговоров о таком пакте. М. М. Литвинов обратил внимание на то, что отсутствие такого пакта с Японией является ненормальным и не свидетельствует о намерении со стороны Японии проводить миролюбивую политику.

Иосидзава не дал определенного ответа на предложение М. М. Литвинова, сославшись на то, что он еще не имел возможности выяснить политику нового кабинета. Однако Иосидзава обещал передать советское предложение своему правительству³⁹.

В ходе дальнейшего обмена мнениями советский полпред в Токио А. А. Трояновский в беседах с заместителем министра иностранных дел Ямамото указывал на то, что Советское правительство согласно благожелательно рассмотреть некоторые экономические вопросы, в которых заинтересована Япония, однако при условии, что она пойдет на заключение соглашения, предусматривающего безусловное воздержание от всякой военной агрессии и сохранение мира между двумя странами в течение ряда лет. А. А. Трояновский предлагал приступить к официальным переговорам по этим вопросам по дипломатическим каналам или путем посылки делегаций в Москву или Токио⁴⁰.

Тем временем в конце 1931 г. открылись переговоры по вопросам рыболовства. Идя навстречу пожеланиям японской стороны, Советское правительство согласилось подписать в 1932 г. дополнительное соглашение к рыболовной конвенции. Срок этого соглашения, так же как и конвенции 1928 г., был установлен до 1936 г.

Советская дипломатия не оставляла попыток добиться заключения пакта, исходя из того что советско-японский пакт мог бы явиться серьезным фактором стабилизации международной обстановки на Дальнем Востоке. Однако все большее влияние на японское правительство в этом вопросе оказывало так называемое «молодое офицерство», особенно в Квантунской ар-

мии. Эта часть военщины высказывалась за войну, и в первую очередь против СССР.

В вопросе о пакте постепенно начал складываться единый фронт так называемых «патриотических» элементов⁴¹ и фашистских групп. Эти круги резко выступали против заключения пакта, считая, что миролюбивая позиция Советского Союза якобы отражает его слабость и желание лучше подготовиться к будущему столкновению с Японией.

Кроме того, правящие круги Японии понимали, что заключение пакта и стабилизация обстановки на Дальнем Востоке затруднят японским милитаристам создание военной угрозы советским границам, в то время как надежды на советско-японскую войну являлись важным фактором, обеспечивавшим для Японии благожелательное отношение со стороны правительств США и Англии, готовых временно пожертвовать своими интересами в Северо-Восточном Китае в надежде на столкновение Японии с Советским Союзом. Заключение пакта о ненападении могло бы привести к обострению японо-американских и японо-английских отношений.

13 декабря 1932 г. Япония официальной нотой отклонила предложение СССР о заключении пакта под предлогом того, что Япония и СССР являются участниками многостороннего пакта Бриана — Келлога и это делает излишним заключение специального пакта о ненападении. Другим доводом являлось утверждение о том, что «еще не созрел момент для заключения пакта о ненападении»⁴². В ответной ноте Советского правительства от 4 января 1933 г. указывалось, что, «предлагая Японии пакт о ненападении, Советское правительство отнюдь не игнорировало этого международного акта (т. е. пакта Бриана — Келлога.— Л. К.), а стремилось лишь усилить его и путем двустороннего соглашения расширить и приспособить его к особенностям отношений обеих стран». Вместе с тем Советское правительство подчеркивало, что оно, «со своей стороны, отнюдь не находит, чтобы между СССР и Японией существовали такие споры, которые нельзя было бы или которые оно не соглашалось бы разрешить мирным путем». Советское правительство подчеркивало, что «его предложение не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики, и потому остается в силе и в дальнейшем»⁴³.

Зная огромный интерес японского общественного мнения к вопросу об отношениях с СССР и имея в виду то обстоятельство, что японская пресса почти в течение года обсуждала этот вопрос, ТАСС 17 января 1933 г. опубликовал подробное изложение предложения М. М. Литвинова, ответную ноту японского правительства от 13 декабря 1932 г. и ноту Советского правительства от 4 января 1933 г.⁴⁴

Как и следовало ожидать, опубликование сообщения о ходе переговоров о пакте оказало его сторонникам в Японии боль-

шую поддержку. Общественность высказывалась за заключение пакта. Отражением этих настроений явилось выступление руководства Социалистической массовой партии («Сякай тайсюто») в пользу заключения пакта.

31 января 1933 г. состоялась встреча лидеров этой партии с советским полпредом. Представитель «Сякай тайсюто» Абэ заявил, что народные массы во всем мире выступают против войны, что же касается японцев, то они желают возможно скорого заключения пакта, который явится основой вечного мира между обеими странами. В ответном слове А. А. Трояновский указал: «Япония является самым могущественным нашим соседом на Дальнем Востоке. Японо-советские отношения являются определяющими и для взаимоотношений других стран; следовательно, дружеские отношения между ними крайне необходимы для сохранения международного мира. Заключение пакта о ненападении, несомненно, будет способствовать гораздо большему развитию японо-советских экономических связей, что является весьма выгодным для Японии»⁴⁵.

Вопрос о пакте оставался в центре внимания японского общественного мнения в течение довольно долгого времени.

Премьер-министр Сайто, несмотря на ноту, отвергавшую советское предложение, выступил с публичным заявлением о том, что Японии необходимо заключить пакт о ненападении с Советским Союзом. Заявление Сайто являлось следствием давления общественного мнения на правительство. Однако точка зрения премьер-министра не разделялась большинством членов правительства.

В течение 1933 г. вопрос о пакте многократно обсуждался во время бесед советских представителей с отдельными политическими деятелями и дипломатами Японии. Все они признавали необходимость такого пакта, но в данный момент считали заключение его несвоевременным⁴⁶. Состояние советско-японских отношений стало предметом обсуждения на XVII съезде ВКП(б). В отчетном докладе ЦК ВКП(б) съезду указывалось на ненормальность советско-японских отношений. «Отказ Японии от подписания пакта о ненападении, в котором Япония нуждается не меньше, чем СССР, — говорится в докладе, — лишний раз подчеркивает, что в области наших отношений не все обстоит благополучно... Одна часть военных людей в Японии открыто проповедует в печати необходимость войны с СССР и захвата Приморья при явном одобрении другой части военных, а правительство Японии вместо того, чтобы призвать к порядку поджигателей войны, делает вид, что это его не касается»⁴⁷.

Японские милитаристы проводили усиленные военные приготовления. Северо-Восточный Китай и Северная Корея были превращены в военный плацдарм. Там проходило накопление сил для войны против СССР. Выражая мнение ряда ведущих деятелей Японии, видный государственный деятель и дипломат

Сиратори в письме министру иностранных дел Арита в ноябре 1935 г. следующим образом сформулировал цели японской политики в отношении СССР: «Япония должна добиваться, чтобы Россия разоружила Владивосток, закончила вывод своих войск из Внешней Монголии... это должно быть нашими минимальными требованиями, не говоря уж о вопросах рыбной ловли, правах и интересах в лесном хозяйстве. Вопрос о передаче Северного Сахалина по умеренной цене включается сюда тоже. В будущем надо иметь также в виду покупку Приморской области Сибири». «Вся дипломатическая деятельность должна быть направлена на эту цель,— продолжал он.— Я считаю, что по сравнению с этой великой целью китайский вопрос и проблема разоружения являются второстепенными»⁴⁸.

Агрессивная политика правящих кругов не встречала серьезного сопротивления со стороны широких народных масс. Захват Северо-Восточного Китая привел к военно-инфляционной конъюнктуре и огромному увеличению прибылей капиталистов. Одновременно создавалось впечатление увеличения заработной платы рабочих за счет номинального ее повышения, вызванного инфляцией и удлинением рабочего дня. Несколько сократилась безработица. У неорганизованных рабочих стали рождаться иллюзии об улучшении их положения. В результате массовых репрессий и террора в конце 1932 г. Коммунистическая партия была ослаблена, и усилилось влияние реформистских организаций. Социалистическая массовая партия фактически встала на позицию поддержки военщины и ее агрессивной политики. Ослабление коммунистического и рабочего движения повлекло за собой и поражение либерального движения. Это развязывало руки агрессивным кругам для подготовки и осуществления захватнических планов.

Проблема сохранения мира выдвинулась на первый план в международной политике СССР середины 30-х годов. Советское правительство неоднократно проявляло инициативу в этом отношении, предлагая новые формы и методы обеспечения безопасности. Советская дипломатия выдвинула идею неделимости мира: война в любом районе земного шара — это очаг мировой войны. Поэтому задача всех государств, утверждало Советское правительство, заключается в объединении усилий для борьбы с агрессией в любом пункте земного шара. Безопасность может быть обеспечена лишь коллективными усилиями в результате обязательств, принятых на себя всеми государствами или государствами определенного региона. Наиболее надежной формой безопасности в этих условиях могли быть региональные пакты взаимопомощи (наряду с двусторонними), объединяющие государства, не заинтересованные в войне.

Еще в декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) принял специальное решение о развертывании борьбы за коллективную безопасность, включая идею заключения региональных пактов.

Однако настойчивые усилия советской дипломатии по созданию системы коллективной безопасности в Европе встретили или враждебное, или весьма прохладное отношение со стороны капиталистических держав.

Советский Союз предпринимал усилия по сохранению мира и на Дальнем Востоке. Продолжающаяся агрессия Японии против Китая, провокации, чинимые японскими милитаристами на советских дальневосточных границах, создавали крайне неустойчивую обстановку в этом регионе. Япония угрожала не только СССР. Ее действия задевали интересы США, Англии, Франции. Создавалась почва для сближения государств, заинтересованных в поддержании статус-кво и мира в Азии и бассейне Тихого океана. Заключение регионального соглашения на Дальнем Востоке обеспечило бы изоляцию агрессора.

Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов высказал эту мысль в беседе с послом США в Москве Буллитом в конце 1933 г. Советское правительство предложило заключить пакт о ненападении между США, СССР, Китаем и Японией, причем инициатива должна исходить от Соединенных Штатов. Оно полагало, что, если инициатором этого проекта выступят Соединенные Штаты, откроются более широкие возможности для присоединения к пакту и других государств, заинтересованных в тихоокеанских делах⁴⁹.

12 марта 1934 г. Буллит сообщил генеральному секретарю НКВД В. С. Довгалевскому, что Рузвельт склоняется к многостороннему пакту о ненападении с участием США, СССР, Японии, Китая, Англии, Франции и Голландии. 21 марта Буллит заявил М. М. Литвинову, что Рузвельт готов рассмотреть вопрос об этом пакте, но едва ли президент обратится к другим державам с предложением о пакте. Он скорее склонен «выбрасывать идеи», чтобы их подхватили «другие государства»⁵⁰.

Хотя правящие круги США заняли уклончивую позицию в отношении советских инициатив, направленных на создание системы коллективной безопасности, на заключение многостороннего пакта безопасности (Тихоокеанского пакта), советская дипломатия не ослабляла усилий, полагая, что логика событий заставит США и Англию пересмотреть свою позицию и принять участие в коллективной защите мира на Дальнем Востоке. В связи с обострением обстановки на Дальнем Востоке М. М. Литвинов 18 и 21 июня 1937 г. поручил советскому полпреду в Вашингтоне вновь прозондировать позицию США относительно Тихоокеанского пакта. М. М. Литвинов просил передать Ф. Рузвельту следующее: «Конечно, пакт о ненападении без Японии большой ценности не имеет, ибо мы, Великобритания, США, Франция и другие, и без того не собираемся нападать друг на друга на Тихом океане. Но все же пакт между нами будет иметь значение известной солидарности, в особенности если в пакт будет включен пункт о консультации в слу-

чае угрозы одному из участников пакта»⁵¹. Не ограничиваясь мерами в отношении США, Советское правительство вновь возобновило свои усилия в отношении привлечения к Тихоокеанскому пакту Китая. Ранее такие усилия не были поддержаны китайским правительством, не терявшим надежды добиться сделки с Японией и не исключавшим в своих расчетах возможность использовать советско-японский конфликт в случае его возникновения. 5 мая 1937 г. посол СССР в Нанкине Д. В. Богомолов передал китайскому министру иностранных дел Ван Чжун-хою советское предложение взять на себя инициативу создания регионального Тихоокеанского пакта о взаимной помощи⁵². Однако гоминьдановское правительство, склонное к сговору с японцами и надеясь на поддержку со стороны США и Англии, уклонилось от принятия советского предложения. В июне 1937 г. окончательно отказались от советской идеи и американцы⁵³. Нежелание ведущих западных держав и гоминьдановского Китая пойти на создание эффективной системы коллективной безопасности развязывало руки японским милитаристам. Вместе с тем японские правящие круги отдавали себе отчет в том, что Японии одной едва ли удастся нанести поражение СССР. Возраставшее могущество СССР и укрепление его международных позиций (в частности, заключение договоров о взаимопомощи с Францией и Чехословакией) делало совершенно ясным для японских милитаристов, что для осуществления своих экспансионистских планов на севере они должны приобрести союзника, способного приковать силы СССР к Европе. Стремление Японии найти союзников для борьбы с СССР совпадало с планами гитлеровцев. В эти годы фашистская Германия все более активно начинает выступать на мировой арене. Германская дипломатия развертывает бурную деятельность по консолидации сил держав, недовольных версальско-вашингтонской системой. Помимо Италии в Европе гитлеровское руководство решило искать себе союзника на Дальнем Востоке. В середине 1935 г. один из ближайших сотрудников Риббентропа, Гак, посетил японского военного атташе в Берлине Осима и, сославшись на то, что это «личная идея» Риббентропа, стал зондировать почву о возможности заключения «своего рода оборонительного союза» между Германией и Японией против Советского Союза⁵⁴. Гитлеровцы предпочитали иметь дело непосредственно с военными кругами Японии, в которых все более усиливалось влияние фашистских элементов, требовавших проведения более «динамичной» внешней политики и установления в Японии по примеру Германии фашистской диктатуры. Осима и был назначен в Берлин с целью выяснить, какова будет позиция Германии в случае японо-советской войны⁵⁵.

Между тем в Японии все более активно развертывали деятельность военно-фашистские группировки, которые в феврале 1936 г. предприняли попытку осуществить военный переворот.

Путч кончился неудачей. Однако расправа с участниками мятежа была использована не для подавления фашистских организаций, а для сведения счетов между различными группировками милитаристов.

Новое правительство сформировал бывший министр иностранных дел Хирота, связанный с шовинистической группой «Общество Черного дракона». 7 августа 1936 г. правительство утвердило «Основные принципы национальной политики». Это был генеральный план японской агрессии, предусматривавший «превратить империю номинально и фактически в стабилизирующую силу в Восточной Азии», ликвидировать «угрозу с севера, со стороны Советского Союза», обеспечить готовность «встретить во всеоружии Англию и Америку путем нашего дальнейшего экономического развития, заключающегося в тесном японо-маньчжуро-китайском сотрудничестве». Далее ставилась задача расширения «национального и экономического продвижения на юг, в особенности в район стран Южных морей». Для претворения в жизнь «Основных принципов» намечалось значительно повысить боевую готовность вооруженных сил⁵⁶. Таким образом, «Основные принципы» явились известным компромиссом между армией и флотом: они предусматривали наряду с планами полного захвата Китая осуществление требований, выдвигаемых армией, — наступление на север и целей флота — наступление на юг.

Принятие этой программы активизировало и ход переговоров с Германией⁵⁷. Советское правительство, осведомленное о переговорах, неоднократно предупреждало Японию, что «соглашение о согласованных действиях Японии и Германии в случае нахождения одной из них в войне с третьим государством» может нанести тяжелый удар советско-японским отношениям⁵⁸.

Несмотря на серьезные предупреждения Советского правительства, 25 ноября 1936 г. Япония подписала с Германией так называемый «Антикоминтерновский пакт». В опубликованном тексте обязательства сторон ограничивались информацией о деятельности Коминтерна и ведением совместной борьбы против него. В секретном соглашении, ставшем известным лишь в 1946 г., Советский Союз был назван в качестве главной цели пакта. Прикрывая свои агрессивные замыслы «оборонительной» фразеологией, обе стороны обязывались в случае «неспровоцированного нападения или угрозы нападения на одну из них со стороны СССР не предпринимать ничего, что облегчило бы положение СССР»⁵⁹. В течение срока действия договора (пять лет) стороны обязывались «без взаимного согласия не заключать с СССР никаких политических договоров, противоречащих духу данного соглашения».

Прямым результатом заключения «Антикоминтерновского пакта» явилось резкое обострение советско-японских отношений. Японская военщина, надеясь на германского союзника,

предприняла серию вооруженных нападений на СССР и союзную ему МНР. Широко известны события у оз. Ханка (1936), у оз. Хасан (1938) и на Халхин-Голе (1939). Развитием и укреплением установившегося политического сотрудничества Японии с Германией и Италией явилось заключение в сентябре 1940 г. «Тройственного пакта», оформившего в виде союзного военного договора сотрудничество трех держав в проведении агрессивной политики, направленной на передел мира и установление их мирового господства.

Антисоветский курс японских правящих кругов накануне второй мировой войны, смыкание с наиболее агрессивными силами мирового империализма не только не обеспечили национальные интересы японского народа, но, напротив, привели страну к национальной катастрофе.

¹ См.: Нихон гайкоси кэнкю (Анализ истории японской дипломатии). Токио, 1958, с. 130.

² «Кайдзо», 1925, № 1, с. 2—5.

³ См.: Симпэй Гото. Нитиро канкэй ни суйте сёкэн (Взгляд на отношения между Японией и Россией). Токио, 1923, с. 3.

⁴ Текст см.: Документы внешней политики СССР. Т. VIII. М., 1963, с. 70—73.

⁵ Там же, с. 73—75.

⁶ «Daily Telegraph», 21.I.1925.

⁷ АВП СССР, ф. 0146, д. 10, л. 7—8.

⁸ АВП СССР, ф. 0146, п. 117, д. 121, л. 191—193.

⁹ АВП СССР, ф. 0146, д. 10, л. 8—9.

¹⁰ Документы внешней политики СССР. Т. X, М., 1965, с. 53.

¹¹ Там же, с. 51.

¹² Подробнее см.: Л. Н. Кутаков. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962, с. 73—77.

¹³ См.: Рыболовная конвенция между СССР и Японией со всеми относящимися к ней материалами. М., 1928, с. 44—48.

¹⁴ См.: «Международная жизнь», 1928, № 3, с. 20.

¹⁵ «Коммунистический Интернационал», 1931, № 33—34, с. 48, 52. Впервые текст меморандума был опубликован в сентябрьском номере журнала «Чайна критик» за 1927 г.

¹⁶ Документы внешней политики СССР, т. X, с. 593.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 626—627.

¹⁹ Там же, с. 627.

²⁰ Там же, с. 628.

²¹ АВП СССР, ф. 0146, п. 132, д. 293, л. 9.

²² Документы внешней политики СССР. Т. XI, М., 1966, с. 13—15, 693.

²³ АВП СССР, ф. 0146, п. 132, д. 293, л. 66—68.

²⁴ Документы внешней политики СССР. Т. XI, с. 13—15, 41—47, 693—694.

²⁵ См.: АВП СССР, ф. 0146, п. 132, д. 10, л. 13.

²⁶ Там же, л. 13.

²⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XI, с. 144—145.

²⁸ См.: «Международная жизнь», 1929, № 11, с. 78—79.

²⁹ См.: АВП СССР, ф. 4366, д. 17, л. 37.

³⁰ См. там же, л. 39.

³¹ См. там же, л. 47—48.

³² Документы внешней политики СССР, т. XIV, 1968, с. 760.

³³ Там же, с. 110.